

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РОССИЙСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

В то время как весь мир на протяжении столетий ломает голову над вопросом «Отчего вымерли динозавры?», физиологи морщат мозг над вопросом «Как они выжили?».

*Доктор биологических наук,
профессор МГУ Чепурнов С. А.*

Итак, время 6:10 утра. Сегодня воскресенье. Завтра сдавать окончательный вариант предисловия, о котором меня не только попросил очень близкий и дорогой человек, но и, как оказалось после прочтения, к которому подвела вся предыдущая жизнь. А у меня, словно у привыкшего к автоматам за болтовню студента перед сдачей курсовой работы, — ни строчки...

Необходимые пояснения:

Книга планировалась к выпуску год назад, однако, после всем известных событий, с ней не связанных, но возможных к сличению с теми, что

происходили задолго до настоящих дней в США, по невообразимости описанных в сугубо политическом и гротескном контексте, не только не дошла до печати, но, по зрелому размышлению издателя, даже до перевода.

Учитывая политическую остроту вопросов, актуализируемых в книге, а также трагикомичность фильма с совершенно некорректной и негативной по последствиям трансформацией «Wag The Dog» в «Плутовство» (доступной по смыслу разве что русскоязычному специалисту в сравнительной лингвистике, погруженному в дебри этимологической связи греческой грамматики, римского права и творчества компании «Дисней»), за год очередь из рецензентов и переводчиков заметно поредела. Сойдя на нет, судя по всему, к тому времени, как издателя стали поджимать сроки реализации международного контракта.

К настоящему моменту политическая атмосфера стала более-менее однозначной, и военную операцию на Украине и новых российских территориях никто уже не сможет назвать мнимыми. Я же расстался с миром рекламы и, полагая, что книга в той или иной степени повторяет фильм, дал согласие на написание данного предисловия. Благо, жизненного и профессионального опыта хватает: жизнь без родителей; военное училище; ведомственное юридическое образование; государственная служба; профайлинг; психологическое образование, создание и руководство уникальным по своему имиджу и успешности рекламным агентством, за 16 лет не нанявшим ни одного профессионала и даже менеджера по

продажам; разработка методологии селективного образования digital-маркетологов на основе типирования личности кандидата; наконец, уход из прикладного маркетинга с целью создания профессионального сообщества; основание в Москве и Крыму центров притяжения для digital-специалистов, желающих повысить свой витальный и профессиональный уровень, — не только позволяют сыграть эту роль, но и обязывают ее исполнить.

Ох, как я заблуждался...

С самого начала работы над текстом перед моим воображением возникали настолько амбивалентные и между тем абсолютно совпадающие с реальностью образы, что даже простое прочтение требовало существенных усилий, чтобы не усомниться в качестве перевода. Ведь в сложившихся обстоятельствах любое, даже на первый взгляд несущественное, искажение может иметь далеко идущие последствия не только для издателя, переводчика или даже меня и моих близких, но и для читателя. Ведь запутавшись в ситуативных параллелях, можно сложить некорректное представление не только о геополитической ситуации в стране и мире, но и об одном из величайших произведений мировой литературы нового столетия.

Итак, фильм и книга — это совершенно разные явления не только природы, но и искусства. Как Саурон и Кольцо: один — «Самый Главный» и «Всевидящее Око», другое — вроде как «Драгоценность», но без затрат и усилий, зачастую несовместимых с целесообразностью, не покрасу-

ешься. Однако для точной аналогии этот образ все-таки не подходит...

Прекрасный лотос, растущий на смертельном болоте, распускающийся днем и скрывающийся ночью. Съедобный и ядовитый. Везде растущий и охраняемый как исчезающий. Разрешенный и запрещенный. Но самое главное — сочетающий в себе, как и любая чрезвычайная красота, элементы вопиющего уродства. Ведь даже на основании международных исследований было установлено, что вид семенных коробочек лотоса вызывает трипофобию — одну из самых сильных бессознательных рефлекторных реакций организма человека, основанных на «примитивной части его мозга, которая связывает образ с чем-то опасным»¹.

Приведенный ниже текст, несмотря на то что полностью заимствован из представленного вниманию читателя романа, никакого представления о содержании, действующих лицах, сюжетных поворотах или даже времени и месте действия не составляет. Цель его тизерная.

Да простит меня издатель за столь грубое вмешательство в его скрупулезный труд.

В этом мире приличие, вежливость, пунктуальность, честность и искреннее уважение не были инструментами для достижения успеха. Он сомневался, что такой мир вообще существовал где-либо и когда-либо. Сейчас силой

¹ Источник: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D1%84%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D1%8F>

считалось знание, даже украденное — особенно украденное. Сейчас ты говоришь людям то, что они хотят услышать: не правду — она никому не нужна. Правду можешь рассказывать самому себе, если тебе нравятся кривые и уродливые зеркала...

Оттягивание удовольствия было важнейшей заповедью как цивилизации в целом, так и отдельных людей. Конечно, именно сила воли была причиной превосходства. Нельзя есть десерт, пока не заслужишь его. Нельзя тратить деньги, которых ты еще не заработал. Нельзя получать удовольствие, пока не станешь выше своих желаний и не сможешь это доказать.

Наши личные кабинеты и телефоны прослушиваются. Мы яркий пример жизни под тотальным управленческим контролем.

Когда вы смотрите в глаза женщине, которую хотите больше, чем стоило бы. Я говорю не просто о жажде секса. Я говорю о голоде, лютом голоде. Она открывает перед тобой глаза, и они говорят: «Смотри в нас». Даже если она актриса, и умом ты понимаешь, что ей платят 1,3 миллиона долларов за картину плюс проценты, чтобы она делала на камеру именно это. Твои собственные глаза могут стать окном в твою душу, и она увидит, кто ты такой на самом деле, и ты окажешься у нее на крючке.

«Он хорошо знал Библию и был знаком с классическими языческими мифами. Что-то в его душе откликалось на древние предупреж-

дения. Ничего ужасного не случилось, но ничего хорошего тоже. Не было ничего ужасно плохого, но было очень много не очень хорошего».

Большинство людей либо лишены способности мыслить, либо слишком ленивы, чтобы использовать эту способность. Они окутывают себя туманом общепринятой морали и заменяют обдуманные реакции чувствами. Он отказывался быть таким калекой.

Он находился на том этапе жизни, когда ему не помешала бы лесть или что-то в этом роде. Все, чего он хотел, — это одна настоящая любовь. Не навсегда. Только на время.

— Чего ты боишься? Что кто-то скажет, что ты прокладываешь себе путь на вершину? В этом городе это комплимент. Так и должно быть, потому что трахаются все, но чертовски мало кто делает это достаточно хорошо, чтобы добраться до вершины.

Это и побудило его сделать звонок. Ему нужны были перемены. Любые перемены.

Еще ближе.

Я отстаю на пару метров. Вдруг вижу прямо под ногой впередистоящего проволоку. Время останавливается. Я знаю, что проволока подключена к гранате. Еще я знаю, что граната принадлежит патрулю вьетнамской армии, таким же убийцам, как мы, и все мы находимся внутри штуки, которая живет сама по себе, как огромный зверь, имя которому — война. С этого момента все навсегда изменилось.

Война — это не что иное, как ложь.

Стоп.

Несмотря на внушительные размеры, он выглядел мягким — как и многие сотрудники ЦРУ. Толще в талии, чем в груди, шире в бедрах, чем в плечах. Волосы как из парикмахерской. По воскресеньям он предпочитал переодеваться в клетчатые рубашки и жарить барбекю. Мягкий, обычный. Но это не значило, что он не способен отдать приказ об увольнении или, при других обстоятельствах, об устранении. Ему приходилось делать и то и другое.

Ты не понимаешь, кто мы такие. Мы носим дешевые костюмы, ведем себя скромно, и любовью, у кого есть пара тысяч, может нанять нас. Но почти все в нашей компании — сотрудники ФБР, ЦРУ, полицейские, военные. Почти все мы служили. Те из нас, кто постарше, прошли Вьетнам. *Мы выжили в мясорубке. Мы носили М-16, кидали гранаты и устанавливали мины. Мы видели, как умирали и страдали наши друзья. Не надо нас недооценивать. Только глупый человек вступает в спор. Умный маневрирует так, чтобы в стычке не было необходимости.*

Представьте себе, что вы прыгаете вверх и вниз со словами: «Мы серьезные люди, отнеситесь к нам серьезно».

То, что он убивает лицом к лицу, глядя в глаза человеку, который собирается умереть, не говорит о том, что для него жизнь ничего не стоит. Это говорит о том, что он безжалостно честен. Инструкторы боевых искусств верят в то, что боль — это учитель.

Как и инструкторы морской пехоты. И многие родители.

Он не собирался просто выкинуть деньги. Если бы он это сделал, они бы отнеслись к нему как проститутка к клиенту: содрали бы много денег при минимальных усилиях и без всякого участия. Он же был настроен на выстраивание отношений. Он исследовал и изучал людей, с которыми хотел иметь дело.

— Сэр, — сказал он, подняв правую руку и дотронувшись кончиками пальцев до брови в знак приветствия, — вы оказываете мне большую честь, предоставив мне возможность служить вам и моей стране. Благодарю вас, сэр.

Назад.

— А война — это хорошая работа, Джо?

— Да, самая лучшая.

— Если бы у тебя был сын, ты бы так его воспитывал?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты бы стал бить его до тех пор, пока он не стал бы достаточно сильным, чтобы дать сдачи?

«Военные дела имеют величайшее значение для страны, ибо от них зависит жизнь или смерть, выживание или уничтожение. Высшая позиционная стратегия — это отсутствие видимой позиции».

Танки пересекают неохраямую границу. Этому нет оправдания ни в морали, ни в международном праве. Захватчики — гру-

бые люди. Они совершают УБИЙСТВА, убивают женщин и детей, крадут имущество. Их лидер — это ГИТЛЕР. Новый Гитлер.

«Цель войны — улучшение состояния мира. Поэтому необходимо вести войну с постоянной оглядкой на мир, которого вы желаете. Победа в истинном смысле подразумевает, что состояние мира и вашего народа после войны будет лучше, чем до нее».

Заново.

Теперь ей нужно знать: как выглядит человек, чей пенис побывал внутри настоящей кинозвезды?

Последствия были настолько интеллектуально вызывающими, что он мог бы повернуться к своим родителям и сказать: «Эй, вы, ублюдки, посмотрите на меня, у меня все получается, мне не нужно, чтобы вы любили меня, и я никогда, никогда больше не буду любить вас».

Но он был уверен, что лицо его отца должно было выглядеть так же, как лица в фильме. Такие необычайно обычные. Небритые. Курящие сигареты. Готовые отдать жизнь за чашку кофе. Мечтающие хоть об одном свежем овоще, кусочке лука, ванне.) Мужчины шли в бой.

Именно это качество, это ощущение работы без страховки, заряжало магией ее актерскую игру. Не ремесло, не скулы, не сиськи, а смелость. Смелость быть уродливой, грубой, жалкой, глупой, испуганной, властной, пороч-

ной, сукой, дрянью, недотрогой, святой. Смелость найти в воздухе леску, на которой невозможно устоять, и устоять на ней.

«Я рад, что все закончилось. Я вышел оттуда живым и невредимым и собираюсь прожить остаток своей жизни спокойно и мирно». Многие люди вернулись не такими. Многие вернулись с мыслью, что мир — это унитаз, и я собираюсь в него насрать. Или хватай все, что можешь, как только можешь, потому что кто-то идет. Или я пошел и сражался за вас, и теперь вы должны мне жизнь героя, и если я этого не получу, то буду дуться.

Думаю, это можно сравнить с ковырянием в носу. Ты делаешь это в присутствии других людей, только если они уже знают, что ты это делаешь.

Мне повезло. Я всегда знал, что мир — это жесткое и грязное место. Что никто не заботится о героях. Это то, что дал мне мой отец. Он не дал мне иллюзий, которые можно утратить.

Люди ненавидят тех, кто обещает больше, чем может выполнить. Начальству нравятся сотрудники, которые честно сообщают им, что и когда можно сделать, а что нельзя. Это было смешно. Боссы это ненавидят. Им нужны люди, которые могут сделать для них невозможное без споров. Именно это производит на них впечатление. Лучше не говорить. Просто делай, что можешь.

Язык фильмов был ясен. Террористы были плохими. Другой стороны истории не было.

Терроризм был полезен и важен. Он позволял экономить на объяснениях. Как и в случае с нацистами, дайте парню монокль, оденьте его в кожу, покажите приветствие прямой рукой и ухмылку — и зрители уже знают, что это злодей, и режиссер может сразу перейти к делу.

Убийство оправдано до тех пор, пока человек не получает от него удовольствия и совершает его аккуратно, желательно с безопасного расстояния: бомбардировки со сплошным поражением и зоны свободного огня во Вьетнаме были законными, а резня лицом к лицу в Сонгми — военным преступлением.

Пропаганда в Америке гораздо успешнее, чем кто-либо думает. О ее достижениях не говорят, не обсуждают, даже не думают. Даже ее невидимость — это преимущество, ведь невозможно противостоять бездействию.

Я настоящий американский герой. Серьезно. Вот кто я такой.

Тот, у кого есть маленькие дети, с большой вероятностью, как и я, будет судить о людях по тому, как они относятся к вашим детям, и по тому, что дети думают о них. Есть множество выдумок, где о характере человека судят по тому, как собака реагирует на него. Я не знаю, есть ли у собак чувство врожденной человеческой ценности, но моя дочь, которой на тот момент было три года, всегда обладала этой способностью. Это глубокое чувство, и я ему доверяю.